

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.351

«ДАГЕСТАНСКАЯ САГА» Ж. АБУЕВОЙ: ВЛИЯНИЕ ДОКУМЕНТА НА СЮЖЕТИКУ РОМАНА

З. К. Магомедова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье отмечаются основные стилевые характеристики романа-дилогии Ж. Абуевой «Дагестанская сага», выделяются моменты, связанные с включением исторических, документальных материалов в художественную ткань произведения.

The article provides the main characteristics of the novel by J. Abuyeva "Daghestan saga"; highlighted are the points related to the inclusion of historical and documentary materials in the artistic tissue of the work.

Ключевые слова: стиливой контекст; историческое повествование; документальные материалы; образная система; главные герои.

Keywords: stylistic context; historical narrative; documentary materials; imaging system; main characters.

Рассмотрение романа наших дней показывает, что деление повествовательных приемов на «современные» и «традиционные» не имеет под собой почвы. Все зависит от конкретной ситуации, от проблематики романа, от позиции автора. Арсенал художественных средств романа в XX столетии существенно обогатился, но только сам автор в состоянии решить, какие из этих средств ему нужны и в каких именно сочетаниях.

Устаревшей является не та или иная повествовательная форма сама по себе: старомодны романы, в которых авторский кругозор ограничен самоценным изолированным «я», скудостью мысли, суетой мелких чувств, словесной игрой. Традиционная форма может обеспечить успех современному произведению только в том случае, если она будет изменена в соответствии с новыми задачами, то есть, по существу, станет новой. Например, развитие дагестанской прозы в начале 2000-х годов дало интересные образцы новаторского переосмысления традиционных форм, такого подхода к традиции, который сам по себе является новаторством.

Рассматривая сложившуюся ситуацию на современном литературном пространстве России, писатель и критик П. Басинский отмечает: «... в современной литературе больше нет безусловных авторитетов. Писателей, на общем отношении к которым сойдутся все, или даже более-менее все, у нас нет – и боюсь, что в ближайшее время не будет.

...Границы между литературой массовой и серьезной, между литературой элитарной и, условно говоря, народно-буржуазной, – размылись и стерлись. Очевидно, что эта тенденция будет усиливаться» [1, с. 104].

Об условности границ современной литературы говорит и известный исследователь новейшей советской литературы М. Черняк, которая пишет, в частности: «К единому знаменателю современную литературу привести явно не получится: слишком

противоречив, диффузен и разнообразен ее ландшафт, что, впрочем, вполне соответствует атмосфере рубежа веков и тысячелетий. Очевидно, что литература может существовать только за счет постепенного обновления. Процесс литературной эволюции – это изменение художественной орбиты, спор с традицией, смена культурных кодов. Характер литературы переходного периода отмечается специфическим сосуществованием и взаимопроникновением различных, часто противоположны художественных принципов – возникают противоречивые и неустойчивые синтезы жанров и литературных форм» [2, с. 104].

В дагестанской прозе нового времени эти тенденции выражены довольно слабо. Здесь благополучно сосуществуют традиционные формы изложения и появившиеся в последние годы – такие, которые называются условно синтетическими.

Значительным и пока еще не до конца осмысленным явлением дагестанской русскоязычной прозы стала публикация романа-дилогии Жанны Абуевой «Дагестанская сага». Первая книга «Дагестанской саги» вышла в издательстве «Эпоха» в 2011 г., в 2014 г. там же была опубликована вторая книга.

«Сага» – понятие, обобщающее произведения, повествующие об истории и жизни скандинавских народов.

В метафорическом смысле «сагой» называют литературные произведения, имеющие нечто общее с исландскими сагами и предполагающие наличие эпичности стиля и содержания. В современной литературе термином «сага» обозначают произведение, имеющее отношение к семейным историям нескольких поколений.

Семейные хроники стали популярными в XIX в. Можно вспомнить такие произведения, как «Ругон-Маккары» Э. Золя, «Сага о Йокнапатофе» У. Фолкнера, «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара. Начало XX в. ознаменовалось появлением семейной хроники «Будденброки» Томаса Манна и, конечно же, «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси. Во всех этих произведениях показаны история общества в своем движении и отражение этого движения в судьбах разных представителей одной или нескольких семей.

Обращение Жанны Абуевой к жанру романа-саги можно назвать смелым шагом по нескольким причинам. Помимо осмысления большого исторического материала, необходимо было найти соответствующую композиционную форму, а также нужную отправную точку для довольно широкого художественного полотна. В дагестанской художественной литературе пока еще не было прецедента создания подобных произведений, несмотря на наличие немалого количества исторических романов и произведений на историческую тему.

Обращение Ж. Абуевой к крупной эпической форме – роману не случайно. Оно подготовлено темами, идеями, мотивами ее текстов, опубликованных в разное время в республиканской печати, а также изданных отдельными сборниками.

Реакция на роман Ж. Абуевой была неоднозначной, порой противоречивой, но это свидетельство того, что ее произведение интересно, оно «цепляет» и есть в нем что-то, заставляющее внимательно вчитываться и принимать либо отвергать прочитанное. Это относится к ее опыту в жанре большой прозы. Что касается малой прозы – рассказов, новелл, и средней – повестей, то здесь следует отметить однозначно положительную реакцию читателя.

«Дагестанская сага» написана в жанре семейной хроники и наполнена особым содержанием эпохи, ознаменованной войнами и революциями, репрессиями и выселением целых народов, историческими катаклизмами невиданного размаха.

Весь традиционный миропорядок, охваченный глубоким кризисом ценностей и норм жизни, оказался разрушенным. Конфликты, как отзвук больших исторических коллизий, в которые вовлечены персонажи романа, жестокий кризис, переживаемый семьей Ахмедовых, стали во многом типичными для всего дагестанского социума.

По событиям, описанным Ж. Абуевой в этом романе-дилогии, вполне можно составить представление об исторической ситуации в Дагестане с начала XX в. – времени, с описания которого начинается повествование. Автор обращается к историческим реалиям времени, вводя их в текстовый ряд и придавая тем самым художественному произведению черты хроникальности. События эпохи тесно сопряжены не только с социальной, но и с духовной, этической сферой жизни героев романа. Революция несла дагестанцам не только светлое будущее, но и трагедию, отразившуюся в судьбах самых разных людей, представителей всех слоев общества. Осмысление судьбы одной семьи в свете нового социального опыта, радикально изменившего ход жизни каждого из героев, и составляет событийную основу произведения.

Продолжая тематику предыдущих своих произведений, где доминировали проблемы времени и судеб народа, семьи, личности, Ж. Абуева переводит эти вопросы в иной, соответствующий законам жанра романа, дискурс. Совмещение временных пластов, параллельность событийных рядов, их пересечение организуют романное повествование. При подобной структурной фрагментарности книга Ж. Абуевой претендует на многомерное отражение эпохи, включая и культурно-интеллигентскую, и общечеловеческую составляющую. Художественной структуре романа свойствен не только эпопейный хронотоп (повествование охватывает почти столетие), но и полифонический динамизм изображения времени.

В центре авторского внимания – параллельно развивающиеся судьбы членов семьи Ахмедовых, а также их ближнего и дальнего окружения, что вполне традиционно для эпического повествования. В романе получают развитие несколько сюжетных линий: линий старших Ахмедовых – Ансара, Айши, ее сестры Шахри и мужа Манапа, всех тех, кто родился и прошел процесс становления личности еще в начале века. Второй, новый уровень сюжета связан с детьми Ансара и Айши – Маликой и Имраном, с сыном Шахри и Манапа – Далгатом, а также со многими, с кем свела их жизнь на своих перепутьях.

Каждый персонаж романа – представитель определенного социального слоя: Ансар, Айша, Шахри – представители высшей прослойки горского общества, их дети – Малика, Имран, Далгат – составная часть интеллигентской городской среды советского периода, соседи, родственники – мирные обыватели.

Практически все главные действующие лица романа помещены в широкий исторический контекст, испытывают на себе влияние различных внешних факторов. Все они пройдут через испытания и лишения, через горечь и разочарования, но сохранят свой внутренний стержень. Очевидно, что включение имен и фигур исторических деятелей, документальных материалов можно рассматривать как определенный жанровый принцип. Включение в текст документальных сведений одновременно выполняют сразу несколько функций. Они создают фон, придавая произведению исторический колорит, способствуют раскрытию острых социальных проблем, каких в романе немало, и в значительной степени организуют композицию всего романа.

Прототипы отдельных персонажей романа уже были описаны автором под реальными именами в автобиографической повести Ж. Абуевой «Для меня мой Буйнакск – столица». Конечно, здесь многое изменено, но все равно ясно, что именно через родное, близкое и родовое, писатель решает проблему «человек и время». Решает по-своему, уходя от многих стереотипов описания, характерных для советского периода. Рассказывая о трагических как для всей страны, так и для семьи Ахмедовых 20-х и 30-х годах, автор не страшится эпатировать читателя и умеет доходчиво, без всякого пафоса излагать собственные мысли, например о репрессиях. В проникнутом чувством сопричастности к своим героям романе Ж. Абуевой очевидно присутствует развитие традиций, в данном случае реалистического романа, – но оно никак специально не подчеркивается, не декларируется. Обращение к традиции заявлено как установка уже в самом его заглавии. По жанру это действительно семейная хроника, в которой автор стремится с предельной точностью воссоздать историю своего рода, личные взаимоотношения своих предков и родителей, драматические семейные конфликты – вплоть до конца XX в.

Многое в структуре романа определяется исходным жизненным материалом, собственным жизненным опытом автора. Вместе с тем «традиционный жанр» трактуется очень свободно, с использованием приемов, широко распространенных в литературе последних десятилетий. В книге соединены документ и художественное «домысливание» характеров и судеб реально существовавших людей, более того – автор прибегает к широкому обобщению реальных образов, совмещая их так, что некоторые персонажи становятся собирательными, и это порой сказывается на сюжетной стороне повествования. Высокая степень автобиографичности, подлинность описываемых событий вступает в противоречие с некоторой схематичностью в расстановке собирательных образов.

С другой стороны, читатель имеет дело с художественной реальностью, диктующей свои законы. Реалистический тип в литературе наших дней – это нередко образ не наиболее емкий, а наиболее показательный, который не столько выражает какое-либо явление, сколько его символизирует. Живой прототип человеческого образа не нужно расширять, переосмысливать, его порой достаточно художественно осмыслить, поставить в соответствующий стилистический контекст. Подобную попытку предприняла Абуева, совместив в лице одного героя черты двух реальных прототипов (образы Далгата, Малики). Надо сказать, что автору не всегда удается избежать при этом художественных потерь: некоторые персонажи становятся в романе просто рупорами для актуализации представлений автора. Они сливаются с социальными ролями, утрачивая индивидуальную неповторимость, личностную проблематику, динамику саморазвития.

Стремясь к предельной точности в отражении реальных исторических событий, Ж. Абуева приводит в романе большое количество архивных и документальных сведений. Из контекста повествования вырисовываются все основные судьбоносные повороты истории Дагестана. Автор с явным увлечением вникает в политические тонкости того или иного периода истории республики, отмечает взаимообусловленность исторического процесса в отношениях дореволюционного Дагестана и России.

П.В. Палиевский пишет: «Итак, отличие нашего времени в истории документа, если сказать об этом в нескольких словах, состоит, очевидно, в том, что документ получил самостоятельное эстетическое значение. В этом следует видеть нечто новое, а не в различных способах усвоения факта, которое было всегда. Усвоение факта для

литературы никогда не было проблемой: факт был и, наверное, будет ее главным источником питания» [3, с. 173].

К этому следует добавить, что в романе Абуевой частые экскурсы в историю связаны с именами реальных людей, сначала революционных деятелей и их оппонентов, а с развитием романного повествования – с именами государственных деятелей разного уровня, ученых, врачей, известных актеров – всех тех, кто играл в разные временные периоды заметную роль в жизни республики. Это способствует тому, что произведение приобретает панорамность, широту охвата жизненных реалий. Абуева сознательно стремится в частной истории, каковой по сути является семейная хроника, выявить существенные тенденции эпохи, и зачастую описания эпохальных событий вытесняют художественный, беллетристический слой романа. Это и понятно, такие сюжетные события не могут быть иллюстративными или второстепенными. Они требуют разработки, социальной, психологической, нравственной, требуют авторского пристального внимания.

Личностно-семейные и социально-исторические проблемы эпохи в романе переплетаются и, в конечном итоге, оказываются органически связанными. Лавина революционных преобразований захватила и горный край, создав поначалу огромную неразбериху в умах простых людей. «Впервые за многие столетия Россия осталась без царя, но народ, ведомый большевиками, не желал больше повиноваться никакой власти, кроме как своей собственной, и в эйфорическом возбуждении готов был и дальше крушить и разрушать все, что олицетворяло для него прежний мир» [4, с. 4].

Абуева не ограничивается общим описанием ситуации в Дагестане. Основываясь на документах, она приводит данные о событиях периода после Февральской революции, об обострении политической обстановки, о событиях, происходивших в Темир-Хан-Шуре, о митингах, где звучат речи М. Дахадаева, Дж. Кюркмасова, С. Габиева. Надо отметить, что этот нехудожественный материал не отягощает произведение и не снижает его динамики. Это происходит потому, что документ в романе, в каком бы он виде не представал, сам является активным компонентом сюжета, частью развертываемой интриги или звеном композиции.

Современный исследователь художественно-философской проблематики литературы А. Аникин пишет: «Литература как художественное осмысленное бытие нередко стремится к потенциалу раскрытия пространственно-временных границ текущей действительности. В своем стремлении к всеохватности литература соприкасается с историей и тем самым получает право на равнопричастность к большому времени. Историчность характеризует не роль и позицию человека в историческом свершении, а скорее специфическую пространственно-временную определенность поля самого этого исторического свершения, которая, являясь условием возможности человека оказаться причастными к миру и истории, есть одновременно и реализация этой возможности» [2].

При всей приверженности к беллетристическому письму большое значение для Абуевой имеет эта «возможность оказаться причастной миру и истории», именно потому так насыщен фактами и документами ее роман.

Если характеризовать роман «Дагестанская сага» вкратце, то следует отметить многомерность, многослойность, многоголосие. Можно видеть, как накладываются, перекрещиваются многогранность сюжетного замысла, многочисленность героев и

разнообразие авторского отношения к ним. Многослойная, часто мозаичная основа – интересная, но очень непростая задача для автора. Успешное разрешение такой задачи – залог полноценного художественного результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуева Ж.* Дагестанская сага. Махачкала. Кн. 1. 2011. 268 с.; Кн. 2. 2014. 288 с.
2. *Аникин А.* Современная историчность как перверсия смысла // Русская неделя [Электронный ресурс]. URL: <http://russnedru./stats/> 540 (дата обращения: 12.03.2016).
3. Букер десятилетия // Вопр. литературы. 2012. Май – июнь. С. 100–107.
4. *Палиевский П.В.* Литература и теория. М., 1979. 297 с.
5. *Черняк М.* Игра на новом поле, или еще раз о диагнозе российской прозы XXI века // Знамя. 2010. № 11. С. 189–196.

Поступила в редакцию 25.03.2016 г.

Принята к печати 27.07.2016 г.